

2. Рождествина А.А. Уголовное право: общая часть. – М., 2009. – 362 с.
3. Кушнир И.В. Уголовное право. – М., 2000. – 385 с.
4. Уголовное право Российской Федерации / под. ред. В.С. Комиссарова, Н.Е. Крыловой, И.М. Тяжковой. – М., 2012. – 879 с.

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НАКАЗАНИЙ ЗА ЗАХВАТ ВЛАСТИ В ГОСУДАРСТВАХ-ЧЛЕНАХ ЕАЭС

*Краснова К.А., кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права Северо-Западного филиала ФГБОУВО
«Российский государственный университет правосудия»*

В третьем десятилетии XXI столетия насильственные формы захвата власти остаются по-прежнему востребованными способами преодоления внутривластного кризиса в той или иной стране [1]. Действительно, политическая власть, предполагающая возможность распоряжения природными, экономическими, человеческими и иными ресурсами, всегда будет представлять интерес для социальных групп, желающих воспользоваться ими в тех или иных целях [2]. 2021 год отмечен двумя успешными попытками захвата власти в Мьянме (1 февраля) и Афганистане (15 августа). Можно прогнозировать, что процесс разрешения политических кризисов в нарушение Конституции той или иной страны будет только набирать силу.

Неспокойная политическая ситуация складывается и в государствах-членах ЕАЭС. В последние годы с разной степенью успешности предпринимались попытки захвата власти неконституционным путем в Республике Армения (2018 г.), Республике Беларусь (2021 г.), Республике Казахстан (2022 г.), Киргизской Республике (2020 г.).

Одной из особенностей попыток неконституционного перехода публичной власти на постсоветском пространстве выступает политическая реципрокность, фиксирующая процесс нелегитимного получения (захвата) власти как дара определенному лидеру от участников захвата и его безусловную обязанность возмещать этот дар под угрозой потерять власть [3, с. 41].

Нельзя не отметить участие внешних сил в попытках неконституционного захвата власти. В литературе отмечается, что США и их союзники формируют новую мировую систему «управляемый хаос», используя манипулятивные технологии «цветных революций» [4, с. 192].

Таким образом, насущной задачей государств-членов ЕАЭС является недопущение неконституционного захвата власти внутри страны, в том числе при участии иностранных боевиков-террористов [5]. Эта задача порождает необходимость совершенствования уголовного законодательства в части, касающейся ответственности за насильственные формы захвата власти в условиях, когда попытки неконституционного перехода публичной власти продолжают предприниматься в современных реалиях.

Политические кризисы в отдельных государствах-членах ЕАЭС с неизбежностью поднимают вопрос о соотношении уголовно-правовых средств и цели предупреждения неконституционного перехода власти в отдельно взятой стране. Как правило, соответствующие уголовно-правовые запреты практически не используются или факты их применения единичны. Вместе с тем они обладают значительным предупредительным потенциалом, обеспеченным строгими мерами уголовной репрессии.

В рамках настоящей статьи обратимся к обзору санкций, которые содержатся в нормах об ответственности за захват власти в национальных уголовных законах.

Республика Армения (РА). В ст. 300 УК РА установлена уголовная ответственность за: узурпацию власти (ч. 1); удержание власти (ч. 2). За совершение указанных

преступлений предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок от 10 до 15 лет [6].

Республика Беларусь (РБ). В ст. 357 УК РБ криминализованы: заговор или иные действия, совершенные с целью захвата государственной власти (ч. 1); захват либо удержание государственной власти неконституционным путем (ч. 2); действия, предусмотренные ч. 2, повлекшие гибель людей либо сопряженные с убийством (ч. 3). В нормах ч. 1 и ч. 2 единственно возможной санкцией выступает лишение свободы на определенный срок: по ч. 1 – от 8 до 12 лет, по ч. 2 – от 10 до 15 лет. В ч. 3 ст. 357 УК РБ альтернативно указаны наказания: лишение свободы на срок от 10 до 25 лет; пожизненное лишение свободы; смертная казнь [7].

Республика Казахстан (РК). Действия, направленные на насильственный захват власти или насильственное удержание власти в нарушение Конституции Республики Казахстан либо насильственное изменение конституционного строя Республики Казахстан криминализованы в ч. 3 ст. 179 УК РК. Возможные наказания за указанные действия – лишение свободы на срок от 12 до 17 лет. Кроме того, суд вправе назначить дополнительное наказание в виде лишения гражданства Республики Казахстан [8].

Киргизская Республика (КР). Новое уголовное законодательство 2021 года устанавливает ответственность за насильственный захват власти или насильственное удержание власти в нарушение Конституции Кыргызской Республики, а равно действия, направленные на насильственное изменение конституционного строя в ст. 326 УК КР. Срок лишения свободы может варьироваться от 10 до 15 лет. Следует отметить, что санкция данной статьи предусматривает конфискацию имущества в качестве дополнительного вида наказания [9].

Российская Федерация (РФ). Ст. 278 УК РФ за действия, направленные на насильственный захват власти или насильственное удержание власти в нарушение Конституции РФ, а равно направленные на насильственное изменение конституционного строя РФ, предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок от 12 до 20 лет с ограничением свободы на срок до двух лет [10].

В заключении резюмируем. Во всех рассмотренных выше кодексах государственных участников ЕАЭС предусмотрена уголовная ответственность за захват власти. Наказание в виде лишения свободы на определенный срок предусмотрено во всех кодексах. Пожизненное лишение свободы и смертная казнь предусмотрены только в уголовном законодательстве Республики Беларусь. Дополнительные наказания предусмотрены в уголовных кодексах Республики Казахстан (лишение гражданства), Киргизской Республики (конфискация) и Российской Федерации (ограничение свободы).

Список литературы:

1. Кузнецов А.А. Новые формы посягательств на основы конституционного строя и безопасности государства // Вестник Московского университета МВД России. – 2016. – № 3. – С. 118-120.
2. Кузнецов А.А. Социально-правовая природа захвата власти // Вестник Университета Прокуратуры Российской Федерации. – 2020. – № 3 (77). – С. 121-126.
3. Хопёрская Л.Л. Революции в Киргизской Республике как детерминанты траектории ее развития (политико-антропологический подход) // Развитие территорий. – 2021. – № 3 (25). – С. 40-45.
4. Малько А.В. Правовая жизнь общества как объект правовой политики в условиях глобализации и регионализации: монография / А.В. Малько, В.В. Трофимов. – Москва: Юстиция, 2021. – 235 с.
5. Кобец П.Н., Краснова К.А. Об опыте борьбы с международным терроризмом – одним из факторов проявления бандитизма в Чеченской Республике // Особенности противодействия терроризму на современном этапе развития общества. Круглый стол.

Сборник материалов. Редколлегия: С.И. Гирько, И.Ю. Сундиев, С.Н. Мешалкин. – М.: ВНИИ МВД России, 2006. – С. 176-186.

6. Уголовный Кодекс Республики Армения от 18.04.2003 НО-528-N // <https://www.arlis.am/documentView.aspx?docID=63312>

7. Уголовный Кодекс Республики Беларусь от 09.07.1999 № 275-3 // <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9900275>

8. Уголовный Кодекс Республики Казахстан от 03.07.2014 № 226-V // https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31575252&pos=5;-106#pos=5;-106

9. Уголовный Кодекс Кыргызской Республики от 28.10.2021 № 127 // <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/112309?cl=ru-ru>

10. Уголовный Кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/

УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Кужиков В.Н. доцент кафедры уголовного права Московского Университета МВД РФ им.В.Я. Кикотя; доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Международного юридического института

Вопросы по совершенствованию уголовно-правового регулирования борьбы с преступностью в сфере экономической направленности являются предметом научной дискуссии с самого момента принятия УК РФ. Нельзя не отметить, что законодатель часто изменяет действующий УК РФ. Такое положение дел не получило еще должной детальной оценки, что существенно затрудняет уточнение состояния степени достижения приоритетов уголовно-правовой политики по тем или иным направлениям. Вопрос о необходимости принятия на уровне государства концепции уголовной политики противодействия экономической преступности рассматриваются на постоянной основе. Отсутствие такой политики, в свою очередь, влечет за собой ряд других проблем, в том числе в законодательном и нормативном регулировании борьбы с преступностью в данной сфере, ее планировании и координации деятельности системы уголовной юстиции, а также в правоприменительной практике.

К сожалению, не существует сколько-нибудь завершенного определения уголовной политики в сфере противодействия экономической преступности. Вместе с тем, на наш взгляд, существующие определения уголовной политики целиком распространяются и на такую сферу общественных отношений, как преступления, совершаемые в сфере экономики, соответственно, с учетом специфики их совершения, детерминации, особенностей уголовно-правовой квалификации, ответственности и основных направлений противодействия.

Понятие и содержание уголовной политики тесно увязаны с таким понятием, как принципы уголовной политики, под которыми принято понимать основополагающие идеи, руководящие начала, лежащие в основе всей системы мер, обеспечивающих ее выработку и осуществление.

Особенностью современного этапа происходящей в стране правовой реформы является тот факт, что в настоящее время в Российской Федерации принят целый пакет законов, направленных на либерализацию уголовной ответственности за совершение преступлений в сфере экономической деятельности.

В данный момент в мировом масштабе происходит слом классической правовой системы, как на ценностном, так и на техническом уровне. Новый юридический мир в разных его проявлениях вызывает опасения. Разрушение либеральной правовой системы и правового государства ведет возрождению и массовому распространению новой